

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-3-48-57
УДК 930.2

Дата поступления статьи: 30/III/2019
Дата принятия статьи: 18/IV/2019

И.Е. Кознова

**ВООБРАЖАЯ М. ГОРЬКОГО: ШТРИХИ К СОВЕТСКОМУ МИФУ
О «БУРЕВЕСТИКЕ РЕВОЛЮЦИИ»**

© Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии, Российская академия наук, 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: i.koznova@mail.ru. WoS ID: V-1815-2018. Scopus ID: 6505610823. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

АННОТАЦИЯ

В момент появления в прессе «Песня о Буревестнике» М. Горького адресовалась широким демократическим кругам. Однако большевики, используя близость Горького к своей партии, монополизировали многозначные образы этого произведения, закрепив за писателем звание «Буревестника пролетарской революции». Наиболее полно оно было представлено в книжном очерке известного журналиста М. Кольцова «Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького» (1938). Описывая жизнь Горького, Кольцов соединил в ней соцреалистический канон о «выходце из народа» и «борце пролетариата» с модерным представлением о просветителе и энциклопедисте, о человеке, который «сделал себя сам». Хотя влияние культа вождя и политических репрессий на идейную и содержательную концепцию книги было сильным и она предлагала нужную «верхам» версию гибели Горького, а Кольцов в своей журналистской практике сам способствовал формированию горьковского мифа, он благодаря личному дружескому общению с Горьким, их тесному творческому сотрудничеству и своему литературному таланту затронул аспекты, особенно волновавшие писателя в его поисках нового человека – антипода мещанина. Горький предстает культурным героем эпохи в апофеозе молодости, энергии, движения. При этом Кольцов интегрировал в очерк важные для общественной практики своего времени вопросы поиска прошлого, отвечающего потребностям социалистического строительства, и способов повествования о нем. Очерк отразил выдвижение на первый план в политике национально-патриотической версии прошлого и переход на второй план его революционной версии.

Ключевые слова: М. Горький, М. Кольцов, В. Ленин, И. Сталин, революция, миф, мещанство, прошлое.

Цитирование. Кознова И.Е. Воображая М. Горького: Штрихи к советскому мифу о «Буревестнике революции» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 48–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-48-57>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**IMAGINING M. GORKY: TOUCHES TO THE SOVIET MYTH
OF THE «STORMY PETREL OF THE REVOLUTION»**

© Koznova Irina Evgenievna – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation.
E-mail: i.koznova@mail.ru. WoS ID: V-1815-2018. Scopus ID: 6505610823. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

ABSTRACT

At the time of the appearance in the press of «The Song of the Stormy Petrel», M. Gorky was addressed to wide democratic circles. However, the Bolsheviks, using Gorky's proximity to his party, monopolized the multi-valued images of this work, securing the writer the title of «Stormy petrel of the proletarian revolution».

It was most fully represented in the essay-book of the famous journalist M. Koltsov «The Stormy Petrel. Life and death of Maxim Gorky» (1938). Describing the life of Gorky, Koltsov combined in it the socialist realistic canon of «a native of the people» and a «fighter of the proletariat» with the modernity of the enlightener and the encyclopedic, the man who «made himself».

Although the influence of the cult of the leader and political repression on the ideological and substantive concept of the book was strong, it offered the correct version of Gorky's death, and Koltsov in his journalistic practice himself contributed to the formation of the Gorky myth, thanks to his close personal friendship with Gorky. He touched upon aspects of creative collaboration and his literary talent, especially those that stirred the writer in his search for a new person – the antipode of the tradesman.

Gorky appears as a cultural hero of the era in the apotheosis of youth, energy, movement. At the same time, Koltsov integrated into the essay important for the social practice of his time questions of searching for the past, meeting the needs of socialist construction, and ways of narrating about it. The essay reflected the nomination for the first in politics of the national-patriotic version of the past and the transition to the second plan for its revolutionary version.

Key words: M. Gorky, M. Koltsov, V. Lenin, I. Stalin, revolution, myth, philistine, past.

Citation. Koznova I.E. *Voobrazhaya M. Gor'kogo: Shtrikhi k sovetskomu mifu o «Burevestnike revolyutsii»* [Imagining M. Gorky: touches to the Soviet myth of the «Stormy Petrel of the Revolution»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 3, pp. 48–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-48-57> [in Russian].

Введение

Максим Горький – одна из самых парадоксальных и в значительной степени мифологизированных фигур русской литературы, культуры и истории. Появившиеся в последние годы исследования его жизни и творчества, став вполне «своевременными мыслями», способствуют углублению понимания «настоящего» Горького, не укладывающегося в приписывавшиеся ему прежде одномерные характеристики и тенденциозные оценки. Прошедший 150-летний юбилей писателя вновь вынес его имя в центр дискуссий, поднял немало новых острых тем, позволяющих представить научной общественности и публике «разного» Горького [Максим Горький... 2018]. Размышления о неоднозначности горьковской личности, находящейся в постоянном духовном поиске, многомерности его творческого наследия ставят вопрос о Горьком как выразителе и индикаторе российского самосознания, повлиявшем на трансформации последнего. Противоречивость, дуализм национального харак-

тера, мироотношения и миропонимания с особой остротой проявили себя именно в антропологии Горького. Соединяя в своем творчестве непримиримые противоположности, Горький-художник стал воплощением культурной пограничности [Проблемы российского самосознания... 2018].

Размытость границ в случае Горького весьма показательна в плане связанных с ним механизмов культурной памяти и забывания. Склонность к мифотворчеству самого Горького породила амбивалентность и противоречивость культурной памяти о нем. Имя М. Горького до сих пор остается одним из самых «закрепленных» в культуре, при этом его восприятие в научной литературе, в критике, в массовом сознании продолжает оставаться неустойчивым и неоднозначным [Parazian 2009, p. 131–133]. Но трансформация культурной памяти о Горьком идет. В контексте переоценки советского дискурса о писателе и вступления в рамках постпамяти в процесс освоения горьковского наследия следующего поколения, открытого к новым

его интерпретациям по принципу контрпамяти, эти два механизма находятся в стадии формирования, взаимодействуя друг с другом и противостоя один другому [Ерохина 2018].

Хотя содержание советского мифа о Горьком в целом очевидно, этот миф, при всей своей лапидарности, обладал несомненной подвижностью в рамках изменения политики прошлого и восприятия культурного наследия. В числе тех, кто способствовал канонизации Горького и одновременному продвижению советской версии прошлого в массы, находился и М. Кольцов, роли которого в этом аспекте, на наш взгляд, до сих пор не придавалось должного значения. О связи двух отмеченных моментов и пойдет речь в настоящей статье.

М. Горький: эпоха и биография

Спустя два года после ухода М. Горького из жизни М. Кольцов опубликовал небольшую книгу-очерк о нем [Кольцов 1938]. Это было взволнованное повествование о «Буревестнике», с кем неизменно ассоциировалось имя писателя в дореволюционных демократических и революционных кругах, а в советское время – в массовой пропаганде.

Их знакомство состоялось в 1916–1917 гг.: Горький сотрудничал в журнале «Путь студенчества», где начинал публиковаться молодой журналист Кольцов, тогда студент Петроградского психоневрологического института. В 1917 г. они встречались в разных местах революционной столицы, но вскоре Кольцов примкнул к большевикам. Впоследствии как спецкор «Правды» он горячо и убежденно проводил ленинские идеи в массы. С конца 1920-х гг. Горького и Кольцова связывали крепкие творческие и дружеские узы, нашедшие отражение в их переписке, изданной в середине 1950-х гг., вскоре после реабилитации Кольцова. Писатель привлекал журналиста ко многим своим литературно-издательским начинаниям, доверял ему, обсуждал с ним некоторые свои текущие и возможные будущие проекты. Собственно, переписка началась по инициативе М. Кольцова в ноябре 1928 г., когда журналист обратился к писателю с просьбой о сотрудничестве [Переписка... 1965 б, с. 225].

Эти личности объединяло многое: открытость, одержимость, неумность, амбициозность, обостренное чувство нового, пристрастие ко всевозможным общественно значимым культурным начинаниям. Оба являлись ключевыми фигурами советской культурной дипломатии. Обоим был присущ героический романтизм, оба разделяли утопические надежды на безграничные возможности «переделки» человеческой природы. Оба искренне переживали смерть Ленина. Безусловно, существовало и то, что их разъединяло: возраст, разный жизненный и общественный опыт. Горькому всегда было присуще сложное, противоречивое отношение к миру, неоднозначной была его позиция в отношении идеологии и практики большевизма, хотя именно годы

его сближения с Кольцовым совпали с принятием и одобрением писателем форсированных социалистических преобразований в СССР.

М. Горькому посвящено множество воспоминаний, биографических очерков, исследований. Все они вносили свою лепту в его образ – человека, писателя и общественного деятеля. Если вести речь о популярной, ориентированной на широкие массы литературе, то прежде всего следует назвать появившиеся еще при жизни писателя работы литературоведа И. Груздева, состоявшего с ним в переписке и пытавшегося, как отмечает П. Басинский, проследить связь между Горьким настоящим и вымышленным [Басинский 2011, с. 60–61, 116]. Не исключено, что Кольцов использовал собранные Груздевым материалы, но, во-первых, в своей журналистской практике он предпочитал опираться на собственный опыт и впечатления, которых было немало, во-вторых, его задачи были другими. При этом объединял кольцовский очерк с работами Груздева и с другими публикациями о Горьком общий настрой эпохи «бури и натиска» по-советски – «бодрый призыв к тому, как изменить жизнь к лучшему», «призыв к бодрости и борьбе» [Груздев 1928, с. 18–20].

И все же творение Кольцова своим пафосом, в целом присущим журналисту, выделяется на фоне других аналогичных публикаций. Важно, конечно, то, что очерк был заказан журналисту лично Сталиным для поддержания официальной версии об «умерщвлении» писателя политическими противниками вождя [Тайна смерти Горького... 2017, с. 22, 65–66] и пронизана сталинским культом. В какой-то степени очерк можно воспринимать и как попытку оправдания себя Кольцовым, над которым тогда сгущались тучи. Это была «проба пера» в данном жанре, своего рода заявка на возможность другой биографии – сталинской, которую Горький, кстати, так и не написал и о которой велась речь между вождем и журналистом [Ефимов 2000, с. 230–231].

Проявлений лояльности в очерке Кольцова хватало. Чего стоит только фрагмент «ему холодно на итальянском юге. Ему трудно жить вдаль от Сталина, чья дружеская братская любовная забота, чья помощь и зоркий взгляд вносят действенность, реальность, движение в широкие просветительские планы Горького. Ему тоскливо жить в чужом краю, не принимая непосредственного участия в сталинских планах, в грандиозной переделке всего облика огромной страны». Или: «Горький заново обретает свою родину – как сподвижник Сталина, как его друг» [Кольцов 1938, с. 62–64]. И хотя это было кольцовско-сталинское видение, однако, как отмечает П. Басинский, цитирующий мандельштамовское «В Европе холодно, в Италии темно...», «Буревестнику», по сути, уже некуда было деваться [Басинский 2011, с. 384–385].

Обыгрывалась в очерке и кавказская тема с грузинским акцентом. Безусловно, в человеческой и творческой судьбе Горького проведенные им на

Кавказе и, в частности, в Грузии месяцы были весьма значимы. У Кольцова Грузия и Тифлис представляли поворотными точками горьковской судьбы, символами освобождения («отчаяние и безверие сменилось нарастающей волей к борьбе») и обновления («чистая рубаха с белым воротником – первое завоевание молодого парня», противопоставленная прошлому – грязным волжским пригородам, пьяным дракам, первобытной хамской жестокости) [Кольцов 1938, с. 23–24].

И все же, несмотря на изрядную долю «сервиллизма» в очерке, талант повествователя позволил создать живой и притягательный образ Горького – всенародного любимца. Собственно, это тоже соответствовало планам вождя. Кстати, в 1924 г. Сталин упрекал Кольцова в «сервиллизме» по отношению к Троцкому в связи с многочисленными публикациями о нем в руководимом журналистом «Огоньке» [Ефимов 2000, с. 97–98]. Но очерк окрашен неподдельным уважением и расположением Кольцова к Горькому, на тексте лежал отсвет теплых, подчас шутивно-ироничных отношений, пронизывавших, в частности, их переписку. Так, обращает на себя внимание стиль Горького, особенно в завершающей части писем: «О брате, мой любезный!.. Старец Алексей Нижегородский и Соррентийский»; «Питаю симпатию к Вам, небольшой снаружи, но дорогой изнутри, дядя... Горьковский старец Пешков Алексей»; «Многоуважаемый Михайло Кольцов, предприниматель, свирепый эксплуататор и вообще – зверь! Нижеподписавшаяся рабочая сила почтительно намекает Вам о гонорарии...» [Переписка... 1965 б, с. 230, 235, 240]. Стоит отметить, что подобный стиль Горький позволял себе в письмах отнюдь не ко всем, а, например, к самым близким – Е. и М. Пешковым, М. Андреевой [Горький 2006, с. 38–40, 49–51, 52, 54–55]. В свою очередь Кольцов обращался к Горькому в одном из писем: «Сознательный ударник тов. Алексей, старый бригадир...» [Переписка... 1965 б, с. 243].

Кольцов творил биографию Горького как героя, как «нового человека», показывая восхождение того из социальных низов к культурным вершинам – из тьмы и мрака к свету. Перед читателями представала «величественная картина бурной и страстной жизни», не лишенная противоречий и сомнений: созерцательное и практическое изучение мира; бродяжничество, концентрировавшее в себе неуспокоенность, поиск, нацеленность на сопотивление, открытие неведомого, испытание судьбы женским началом. Не ускользнул от внимания Кольцова и опыт горьковского актерства в сельском театре. По Кольцову, Горький всегда, но особенно в молодые годы «воспитывал, всегда учил самого себя, боролся с собой за себя лучшего». Горьковской формулой жизни для читателя были «сбывшиеся гордые мечты, творчество и борьба» [Кольцов 1938, с. 24].

Кольцов явно завышал степень близости Горького к большевикам. В определенном смысле коль-

цовское повествование воспроизводило путь от стихийности к сознательности («учение Маркса вдохнуло в него организованность, целеустремленность, дисциплинированность») – постулат, легший, по наблюдениям современных исследователей, в основу принципа соцреализма [Кларк 2002]. Поэтому при всей уникальности судьбы Горького в очерке Кольцова отразились и общие для времени моменты, например, тема преодоленного социального сиротства или открытых для советского человека широких возможностей по переделке общества и самого себя.

Кстати, миссию биографа М. Горького М. Кольцов начал выполнять задолго до кончины писателя, и очерк стал лишь заключительным аккордом. Кольцов приступил к ней в возобновленном им к изданию в 1923 г. журнале «Огонек», размещая самый разнообразный материал о писателе. В этом популярном массовом иллюстрированном еженедельнике М. Горький стал, особенно при жизни обоих, одним из главных персонажей публикаций. В приложении к журналу издавалась литературная серия, включавшая в том числе и сборники горьковских рассказов, содержание которых составлялось им самим. Правда, касавшаяся «Огонька» и финансовых вопросов переписка велась М. Горьким не с М. Кольцовым, а с его заместителем – писателем Е. Зозулей [Переписка... 1965 а, с. 106–115].

Для М. Кольцова, помещавшего на страницах своего детища материалы о М. Горьком, было важно соблюсти баланс: не отказываясь от показа его былых «заблуждений» (нищестанство, богоискательство), не упоминать основного, связанного с расхождениями с большевиками в 1917–1918 гг. Задача у издания после отъезда писателя из страны была определенной: показать тесную связь Горького с Родиной, акцентировать характер его творчества как революционно-пролетарский, способствовать «советизации» «Буревестника» и добиться его возвращения в СССР. Возможно, это тоже был сталинский заказ: исследователи обратили внимание, как в целом был ловко срежиссирован приезд Горького в 1928 г., хотя пока, по свидетельству самого писателя, в качестве «наблюдателя» [Спиридонова 2013, с. 174–183], имея двойственный статус «великого русского писателя и постороннего в России в одном лице» [Дэвид-Фокс 2015, с. 246–247; Tolczyk 1999, p. 121–122].

Когда Горький признал курс на «социалистическое наступление» и активно включился в его реализацию, «Огонек» всячески использовал авторитет писателя для пропаганды «творческой жизни передового трудящегося человека», способствуя канонизации Горького и внедрению мифа о нем в советскую культуру. Одновременно имя писателя работало на становление и укрепление культа вождя [Кознова 2018].

М. Кольцов стремился дать в очерке психологический портрет М. Горького в юном и зрелом возрасте. Этой линии Кольцов придерживался и

раньше. Так, в 1927 г. с разрешения Горького было опубликовано заключение графолога-эксперта о почерке и характере писателя: «Свободолюбив. При большой энергии, предприимчивости — практичности в натуре мало... Человек, далеко не лишенный воли, но в личной жизни она может находиться под влиянием порывов чувствительности. Знаком с колебаниями, компромиссами. Много подавлено. Способность вызвать человека на откровенность, умение понимать большие стороны личности, умение разглядеть под внешне отталкивающим, жестким — ценное и нежное. Несмотря на умение самодисциплинироваться, сдержанность, — настроение в жизни играет все же значительную роль. При чуткости, отзывчивости, характер для близких людей несколько тяжелый. Иногда, несмотря на желание быть объективным, большое значение играют личные симпатии, часто возникающие независимо от сознания. Временами упрям. При большом жизненном опыте, во многих областях сохранил чисто юношеский пыл. Заметна большая и постоянная работа над собой. Глубоко творческая натура» [Зуев-Инсаров 1927]. Интересно, что данное письмо, вероятно, дабы не поколебать сложившийся к тому времени горьковский миф, не упоминалось в т. 30 (письма за 1927–1936 гг.) собрания сочинений Горького (1955 г.) и в т. 3 «Летописи жизни и творчества Горького» (1959 г.), а было опубликовано только в 2013 г. в т. 16 собрания писем Горького.

В очерке подобные характеристики относились главным образом к молодым годам писателя. В зрелом возрасте он предстал более «собранным», цельным. Обращаясь к воспоминаниям бельгийского писателя Ф. Элленса о посещении им Горького в Сорренто в 1926 г., Кольцов описывал горьковский внешний облик: «Редко видел более прекрасную согласованность во всех частях лица. Глаза, нос, подбородок, рот играют и сочетаются, можно сказать, в музыкальном соответствии». Кольцов делал упор на «детскую доброту», «оптимизм» Горького и его «ясное настроение» [Кольцов 1938, с. 54–56]. Завершали горьковский портрет его знаменитые усы.

Кольцовское повествование о Горьком начиналось с утверждения о том, что, несмотря на болезни, тот — человек долговечный. В очерке время будто поворачивалось вспять, акцентировались горьковские молодость («не стареет, а молодеет. На глазах оживает, воспламеняется при виде грандиозного подъема, начавшегося на его родине») и энергия («находит время выслушивать всех. Инициатор и вдохновитель множества новых и плодотворных начинаний») [Кольцов 1938, с. 56–58, 62–64]. Отождествляемый с революционным пафос неувядающей молодости был присущ эпохе. Она, кстати, стимулировала интерес к разнообразным методам физического бессмертия, привлекавшим внимание и Горького.

М. Горький буквально изумил пятерых моряков советской военной эскадры, посетивших писа-

теля в Сорренто в конце 1925 г., о чем один из них под псевдонимом рабочего корреспондента написал заметку для «Огонька». Доброжелательность писателя, талант рассказчика, наконец, глубокая осведомленность о происходящем на Родине потрясли их. Могло показаться, что Горький обладал всеобъемлющем тайным знанием [Скобарь 1926]. По сути, здесь отразилась народная потребность в некоем высшем авторитете, используя которую власть творила и культ Ленина, и культ Сталина. Скорее всего, текст рабкора подвергся редакционной правке. Его отзывы о писателе — «казалось, что в мозгу у Горького огромный склад с полочками, где разложены тысячи оригинальных людей, необычных встреч, интереснейших фактов»; «его огромный, неисчерпанный талант питается великим движением вперед “миллионов человеческих волей”» — напоминал очерк М. Кольцова о Ленине. У Кольцова читаем: «Ни за что не разберешь, где кончается личный Ленин и начинается его семья — партия, так же как трудно определить резкие грани там, где кончается партия и начинается пролетариат. Ленин — это сложнейший тончайший аппарат, служащий пролетариату для его исторической миссии» [Кольцов 1923]. Да и сам Горький в 1928 г. говорил о «коллективном Ленине» [Спиридонова 2013, с. 116]. Впрочем, во всех случаях несомненно сходство с известными строками В. Маяковского о Ленине («он в черепе сотни губерний ворочал, людей носил до миллиардов полутора»).

Создавалось впечатление, что Горький даже воплощал в себе какую-то ленинскую ипостась, пусть и упрощенно. Нечто подобное выразил и В. Молотов на траурном митинге в день похорон писателя, сказавший, что после кончины Ленина кончина Горького — самая большая утрата [Кольцов 1938, с. 95]. Помимо особого дара Горького в плане связи с массами (посреднической миссии между ними и властью), Кольцову в очерке (в соответствии с заказом «сверху») нужно было показать Горького как связующее звено между Лениным и Сталиным. В любом случае, используя по отношению к Горькому фразу «ласково и гостеприимно, но при этом строго, подробно, придирчиво» [Кольцов 1938, с. 92], автор очерка, несомненно, имел в виду и обоих вождей.

Горький — «Буревестник» в пространстве прошлого — настоящего — будущего

Очерк Кольцова о Горьком назывался «Буревестник». Безусловно, автор следовал сложившейся традиции. Но в названии и содержании было и нечто личное для Кольцова — страстного энтузиаста авиации, участвовавшего в различных перелетах и публиковавшего о них полные воодушевления репортажи. Известен его призыв от 25 ноября 1930 г. к читателям «Комсомольской правды» под заголовком «Хочу летать», получивший широкую поддержку. Когда отмечалось 40-летие литературной деятельности Горького (сентябрь 1932 г.), Кольцов выступил в печати с предложением по-

строить агитационный самолет-гигант имени писателя-гиганта, воплощение индустриального потенциала страны. Как отмечал позже Кольцов, возглавивший Всесоюзный оргкомитет по постройке самолета, «был юбилей Алексея Максимовича. Думали, что подарить. С литературной точки зрения наикраше подходит буревестник. Но какой? Решили сделать буревестник побольше» [Кольцов 1934]. В своей заметке «Летающий “Максим Горький”» писатель Е. Зозуля обращал внимание: в дореволюционной России именем «Горький» был окрещен самый тихоходный поезд (4 класса), что было «созвучно глубокой горечи, наполнявшей жизнь пролетария», и подчеркивал: «Не случайно сейчас самый усовершенствованный самолет назван его именем» [Зозуля 1933]. После нескольких полетов самолет потерпел крушение при взлете 18 мая 1935 г. Писатель Максим Горький тяжело переживал катастрофу своего стального крылатого тезки.

Между тем у Кольцова был еще один символ, который он использовал в своей журналистской практике, в том числе и в повествовании о Горьком. Это – корабль. Так, идущий вперед под лучами яркого солнца океанский лайнер на обложке самого первого номера советского «Огонька» за 1923 г. символизировал будущее, куда устремлялась новая Россия. Характерно сравнение расположенной на высоком берегу Москвы-реки дачи в Горках, куда к Горькому приезжали многочисленные гости, включая Сталина: «Отсюда, как с палубы корабля, прокладывающего твердый курс в будущее, раскрывался океанский простор мира; здесь вместе думали, как сделать жизнь лучше, чище и веселее» [Кольцов 1938, с. 75–76]. Но и прошлое самого Горького было связано с плавучим средством, хотя и небольшим. Безусловно, именно происходившее на волжском пароходе (мифический сундук с книгами) разделило жизнь юного Алеши Пешкова на две части, когда ему был передан чудесный дар – страсть к чтению. И тот же пароход стал для Кольцова связующим звеном между прошлым и настоящим, когда весной 1936 г. он навещал Горького в Крыму вместе с французским писателем А. Мальро: «Мальчик Алеша Пешков, с палубы волжского парохода с широко раскрытыми голубыми глазами жадно смотрящий на мир, все еще сидел в этом 68-летнем человеке с чуть побелевшими усами и все еще был неутолим» [Кольцов 1938, с. 10–11, 92–94].

Свое повествование о Горьком Кольцов строил вокруг ряда тем, особенно актуальных для практики социалистического строительства. Так или иначе они касались исторического времени. В частности, Кольцов приводил фрагмент воспоминаний Ф. Элленса, в котором рассказывалось о костре, разожженном Горьким при свете дня. На удивленный вопрос Элленса писатель отвечал, что часто это делает, пояснив: «Когда думаешь о прошлом, костер напоминает о временах бродяжничества. Все прошлое словно освещается этим огоньком, и мне кажется тогда, что жизнь моя не изменилась» [Коль-

цов 1938, с. 54]. Очевидно, что прошлое предстает в данном случае в позитивном аспекте. Хотя сам огонь как символ и как явление реальности для Горького был амбивалентен.

Однако гораздо чаще – особенно в советском публичном пространстве, ориентируясь на массы, – Горький стремился обозначить прошлое в ином ключе. Нередко он сокрушался, что молодежь перестает знать прошлое. Акцентируя свое восприятие прошлого в духе ресентимента, Горький утверждал: «...а его нужно знать, нужно ненавидеть... А никто так ненавидит прошлое, как я!» [Скобарь 1926]. Позже сказанное было облечено Горьким в емкую фразу: «Я – свидетель тяжбы старого с новым. Я даю показания на суде истории перед лицом трудовой молодежи, которая мало знает о проклятом прошлом и поэтому нередко слишком плохо ценит настоящее...» [Горький 1962, с. 282]. Ресентимент был обусловлен и комплексами неполноценности/превосходства над Западом [Дэвид-Фокс 2015, с. 45–46, 250–251]. Восприятие дореволюционного прошлого как «проклятого», включая фактор многовековой отсталости, в том числе с подачи Горького, буквально пронизывало публикации газет и журналов на рубеже 1920–1930-х гг., это был тренд эпохи, позиционирующей себя в качестве революционной, освобождающей, выражаясь языком писателя, от «свинцовой», «ядовитой каторжной мерзости» векового гнета царизма.

Это прошлое, впрочем, присутствовало в качестве тяжелого наследия и в повседневной жизни нэповской России. Когда Горький в 1928 г. посетил СССР, его не только вдохновили преобразования, по отношению к чему у него были завышенные ожидания. Впечатления оказались весьма неоднозначными: он был ошеломлен, поскольку столкнулся с «мещанским ренессансом» [Примочкина 1998, с. 115, 174]. В очерке о Горьком Кольцов упоминал многие его произведения, однако одно имело особое значение для 1920–1930-х гг. Речь идет о горьковских «Заметках о мещанстве» (1905 г.), в которых писатель обозначал мещанство как вечное явление, всегда олицетворяющее все низшее в человеке. В статье «О мещанстве» (1929 г.) Горький признавал в нем явление универсальное, в равной степени присущее как русским, так и представителям других народов.

Мещанство претило и М. Кольцову, посвятившему немало фельетонов этому всепроникающему в советскую действительность явлению. Пожалуй, именно необходимость развенчания мещанства и его искоренения предопределила тесное сотрудничество Горького и Кольцова. Так, приступая к изданию нового сатирического журнала «Чудак», Кольцов в конце 1928 г. попросил Горького участвовать в нем. Журналист был убежден, что в СССР, вопреки разговорам о «казенной печати», может существовать хороший сатирический журнал, ориентированный на интеллигенцию и служащих, громящий бюрократизм, подхалимство, мещанство, двойственность в отношении окружа-

ющей обстановки, активное и пассивное вредительство. Название было не случайным и связывалось с горьковским изречением «Чудаки украшают мир»: «Окрашиваем кличку в тона романтизма и бодрости. Желчная сатира, весел и здоров, гневен и вспыльчив. “Чудак”, как Горький, играет на повышение. Вы, Алексей Максимович, нам дотошно нужны, не только как генерал и как имя, но реальный союзник, сотрудник, друг. Просьба прислать сейчас же что-то весело-зубастенькое или сурово-наставительное» [Переписка... 1965 б, с. 225–226]. По Кольцову, именно мещанин считал «чужаком» веру в социалистическое строительство. В свою очередь Горький, назвав Кольцова «одним из талантливейших чудаков Союза Советов», напечатал в первом номере журнала за 1928 г. сатирическую заметку «Факты I» под псевдонимом «Самокритик Словотеков», высмеивая кампанию «самокритики», которая в действительности тревожила его гораздо больше как свидетельство развертывания борьбы с инакомыслием. Впрочем, участие Горького в журнале было кратковременным, да и сам «Чудак» просуществовал чуть более двух лет (Кольцову был объявлен строгий выговор за «подрыв авторитета партийных кадров»), слившись затем с журналом «Крокодил», который, впрочем, позже Кольцов и возглавил.

Имея в виду восприятие М. Горьким в 1930-е гг. Ф. Ницше как предтечи нацизма, в журнале «За рубежом», где Кольцов выступал со-редактором Горького, присутствовало немало пропагандистской риторики относительно «отжившего мира капитала, мира мещанства с его психологией “бандитизма – штирнерианства, нищезанства”». Но все же журнал вместе с другими общественными международными акциями писателя и журналиста главной своей мишенью избрал фашизм, угрожающее распространение которого и было для них символом мещанства [Переписка... 1965 б, с. 250–251].

При этом прошлое рассматривалось и Горьким, и Кольцовым как мощный ресурс идентичности. Будучи озабочен негативными тенденциями в стране, в рабочем классе, Горький противопоставлял мещанина-индивидуалиста человеку массы – «новому человеку»; именно на возвращение в ней героев-коллективистов он и обращал главное внимание. Горький считал необходимым воспитание новых слоев рабочих на революционных традициях, привития им через историю пролетарского сознания и культуры труда. Поэтому на рубеже 20–30-х гг. писатель выдвинул проекты создания популярных, доступных для понимания массового читателя книгоиздательских серий и журналов. К осуществлению многих из них он привлекал и Кольцова («История гражданской войны», «Наши достижения» «Две пятилетки»). Проекты, беллетризованные по форме и эпические по жанру, преследовали цель массовой мобилизации и культурной унификации [David-Fox 2015, p. 59–60;

Lenoe 2004, p. 78–83, 225–227; Papazian 2009, p. 135–164; Priestland 2007, p. 269, 293–294].

В них выразилось видение Горьким новой культуры, выражение и проявление самой сути социалистического реализма, по выражению Э. Папазян, «реалистической мифологии», появившегося в процессе размышлений Горького о «двух правдах» [Дэвид-Фокс 2015, с. 246–252; Papazian 2009, p. 133–165; Tolczyk 1999, p. 100–102, 108–112].

Кольцов, желая того или нет, следовал алгоритму Горького, связывавшего идею социалистического реализма с концепцией «двух правд», изложенной писателем в письме В. Гроссману от 7 октября 1932 г. [Горький 1955]. Чтобы сделать свой текст объективным, Кольцов использовал методы документального повествования. Но, как и Горький, стремившийся к «высшей правде» (и полагая соцреализм именно таковым), Кольцов не ограничился «первой правдой» – обычным фотографическим или «натуралистическим» изображением настоящего (и прошлого). Он интегрировал в очерк «вторую правду», полагая вслед за Горьким, что «истинный реализм» нуждается в добавлении к действительности «желаний и возможностей». В кольцовском очерке и разворачивался свойственный соцреализму подход, когда факт и вымысел оказывались трудноразличимы. Отмеченное, кстати, было присуще и публикациям «Огонька», и новеллистике Кольцова [Осьмухина 2017]. То, о чем пишут исследователи, в частности, Э. Папазян, М. Дэвид-Фокс и другие, – о многообразных и с виду противоречивых душевных метаниях Горького, составлявших своего рода интеллектуальную маску писателя (его «романтизм» и мифотворчество, с одной стороны, рационализме и сциентизме – с другой, его марксизме и нищезанстве, попытках сохранения достижений высокой культуры Запада и России и одновременной пропаганде новой советской культуры как исключительного явления, объединяющей идеи героизма и перековки человека с мифопоэтикой), полагая отмеченное заостренным выражением нарождавшейся культуры сталинизма, – стало квинтэссенцией кольцовского очерка о Горьком.

Идея революционной героики прошлого дополнилась вскоре в идеологической практике идеей «советского патриотизма». При сохранении классового принципа постепенно усиливалось национальное содержание, подчеркивалась связь с героями и военной мощью «исторического» прошлого; в позитивном ключе, не лишенном, однако, идеализации, преподносился и русский национальный характер.

В момент написания очерка названная тенденция уже обозначилась. Отталкиваясь от нее, Кольцов уже раннего Горького представлял опрокидывающим представления о русском народе как о пассивном и никчемном, свидетельствующим о «глубоких переменах, кристаллизации новой жизни в

социальных низах» [Кольцов 1938, с. 32]. Неоднократно обращался Кольцов и к понятию «родина» [Кольцов 1938, с. 51–53, 56–58, 62–64]. Мощным аккордом в продвижении в массы национального патриотического прошлого и героического настоящего стал заключительный абзац книги, в который Кольцов ввел показательный символический ряд. Умерший Горький будто материализовался, представал «живым, осязаемым, реальным куском нашей страны», в единстве ее природы («Жигулевские горы, морской прибой у крымских берегов, зеленые просторы кубанских степей»), культуры (Пушкин, Толстой, «тревожная и сильная русская песня»), истории (Степан Разин, кронштадтские матросы, сибирские партизаны), настоящего («огни Магнитной горы»), наконец, будущего, где существовали на равных эпика фольклора («в веках останется жить народный великан Максим Горький») и эпика советского дискурса («гордый буревестник великой революции») [Кольцов 1938, с. 96].

Заключение

Когда М. Кольцов получил задание на выполнение сталинского проекта «Буревестник», перед ним встала фактически тройная задача. Обычно в замысле биографии существуют две – внешняя и внутренняя – цели. Внешняя, собственно, и посвящена описанию жизни того, о ком биография задумывалась. Но отбор событий и фактов для нее определяется авторским видением объекта своего описания, а также внутренней целью, мотивацией автора биографии, помышляющего с помощью чужого опыта разобраться в себе [Быков 2018]. В кольцовском очерке о Горьком-«Буревестнике» фактически присутствовал еще и третий автор. Ориентируясь на пропагандистский штамп о претворяющихся в жизнь мечтах, Кольцов писал о Горьком-мечтателе. Но и самого журналиста тот, третий, а по сути, – основной автор, прагматик, назвал как-то мечтателем [Ефимов 2000, с. 116–118]. Уловил Кольцов и одиночество Горького, имманентно присущее, впрочем, любому человеку, но творческому в особенности. И все же на смену бунтарю-Горькому пришел, по версии Кольцова, хотя и сохранивший энергию и оптимизм, но все же – благодаря его «большевизации» и «советизации» – остепенившийся энциклопедист и просветитель. В определенном смысле очерк Кольцова, пусть и появившийся в ответ на смерть Горького, стал той книгой, о которой писатель задумывался в своем очерке о Ленине, – необходимой для русского человека книге о счастливой жизни, научившей бы его «в стране, где живут по книгам», как «нужно выдумывать такую жизнь» [Горький]. Несомненно, Горький способствовал утверждению советской героико-революционной версии прошлого, противостоящей тотальности «проклятого прошлого». А Кольцов, обращаясь к фигуре писателя, корректировал образ прошлого в соответствии с новыми запросами времени.

Библиографический список

- David-Fox 2015 – *David-Fox Michael*. Crossing borders: modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburg, Pa.: University of Pittsburg Press, 2015. 286 p.
- Lenoe 2004 – *Lenoe Matthew Edward*. Closer to the masses. Stalinist culture, social revolution, and soviet newspapers. Harvard University Press. Cambridge (Mass.); London, 2004, 315 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=657476>.
- Papazian 2009 – *Papazian Elizabeth Astrid*. Manufacturing truth: the documentary moment in early soviet culture. DeKalb, Illinois; Northern Illinois University press, cop. 2009. 282 p. URL: <http://books.exfiles.ru/#=Manufacturing+truth+%3A+the+documentary+moment+in+early+Soviet+culture+Elizabeth+Astrid+Papazian.+Elizabeth+Astrid+Papazia>.
- Priestland 2007 – *Priestland David*. Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power and terror in inter-war Russia. Oxford; New York: Oxford University press, 2007. 487 p. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=314538&p=1>.
- Tolczyk 1999 – *Tolczyk Dariusz*. See no evil: Lit. cover-ups and discoveries of the Soviet camp experience. New Haven; London: Yale University press, cop. 1999, 361 p.
- Басинский 2011 – *Басинский П.* Страсти по Максиму: Горький: девять дней после смерти. М.: АСТ, Астрель, 2011. 411 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=196994&p=1>.
- Быков 2018 – *Быков Дмитрий*: Биография как автобиография // Год литературы. 2018. URL: <http://godliteratury.ru/events/dmitriy-bykov-biografiya-kak-avtobiog> (дата обращения: 27.03.2019).
- Горький – *Горький М. В.И.* Ленин (Первая редакция). URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-i-lenin-pervaya-redakciya.htm> (дата обращения: 27.03.2019).
- Горький 1955 – *Горький М. – Гроссману В.С.* 7 октября 1932 г. // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 261–262. URL: <http://politazbuka.info/biblioteka/hudlit/880-gorkij-maksim-sobranie-sochinenij-v-30-tomah.html>.
- Горький 1962 – *Горький М.* По Союзу Советов // Горький М. Собр. соч.: в 18 т. Т. 11. М., 1962. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/po-soyuzu-sovetov/po-soyuzu-sovetov.htm>.
- Горький 2006 – *Горький М.* Письма. Т. 12. Январь 1916 – май 1919 // Горький М. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2006. URL: <https://imwerden.de/publ-6685.html>.
- Груздев 1928 – *Груздев И.А.* Максим Горький (Жизнь и работа). М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 40 с.
- Дэвид-Фокс 2015 – *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы: пер. с англ. М.: Новое литер. обозрение, 2015. 568 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=570410&p=1>.
- Ерохина 2018 – *Ерохина Т.И.* М. Горький: культурный герой и память культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 217–222. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10216.
- Ефимов 2000 – *Ефимов Б.* Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. М.: Вагриус, 2000. 637 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182928&p=1>.

Зозуля 1933 – Зозуля Е. Летающий «Максим Горький» // Огонек. 1933. № 4. С. 9–10.

Зуев-Инсаров 1927 – Зуев-Инсаров Д. Почерк и человек // Огонек. 1927. № 31. С. 11.

Кларк 2002 – Кларк К. Советский роман: История как ритуал / Clark Katerina. The Soviet Novel: History as Ritual: пер. с англ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 262 с.

Кознова 2018 – Кознова И.Е. Максим Горький: портрет на фоне советской эпохи (по материалам журнала «Огонек») // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 276–280. DOI 10.24411/1813-145X-2018-10121.

Кольцов 1938 – Кольцов М. Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького. М.: ОГИЗ, 1938. 96 с.

Кольцов 1934 – Кольцов М. Как мы это делаем // Огонек. 1934. № 16. С. 1–4, 5–7.

Кольцов 1923 – Кольцов М. Человек из будущего // Огонек. 1923. № 24. С. 1–2. URL: http://xn--ctbkmlclebd6c8fsb.xn--plai/leniniana/proza.php?name=Chelovek_iz_budushchego.

Максим Горький... 2018 – Максим Горький: pro et contra: антология. Современный дискурс / сост.: О.В. Богданова [и др.]. СПб.: РХГА, 2018. 880 с.

Осьмухина 2017 – Осьмухина О.Ю. Маска как средство авторепрезентации в новеллистике М.Е. Кольцова середины 1920-х – начала 1930-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19. № 1. С. 102–104. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2017/2017_1_102_105.pdf.

Переписка... 1965 а – Переписка. Горький – Зозуля // Архив А.М. Горького. Т. X. Кн. 2. М. Горький и советская печать. М.: Наука, 1965. С. 106–115. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russlitteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf.

Переписка... 1965 б – Переписка. Горький – Кольцов // Архив А.М. Горького. Т. X. Кн. 2. М. Горький и советская печать. М.: Наука, 1965. С. 224–252. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russlitteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf.

Примочкина 1998 – Примочкина Н.Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 1998. 302 с. URL: <http://biblio.imli.ru/images/abook/russlitteratura/Primochkina-Gorky-1998.pdf>.

Проблемы российского самосознания... 2018 – Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения: по материалам Российской научной конференции с международным участием (Ярославль, 5–7 июня 2018 г.) и XV Всероссийской конференции Института философии РАН с регионами России (Москва, 31 мая 2018 г.). Ярославль; М.: РИО ЯГПУ, 2018. 403 с. URL: <https://reid.hse.ru/data/2018/09/28/1156808264/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D0%A7%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%B0%D1%88%D0%B5.pdf>.

Скобарь 1926 – Скобарь. У Максима Горького. Впечатления краснофлотца // Огонек. 1926. № 12. С. 10.

Спиридонова 2013 – Спиридонова Л. Настоящий Горький: мифы и реальность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 440 с.

Тайна смерти Горького... 2017 – Тайна смерти Горького: документы, факты, версии. Л.А. Спиридонова (отв. ред.) [и др.]. М.: АСТ, 2017. 462 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=588508&p=1>.

References

David-Fox 2015 – David-Fox, Michael. Crossing borders: modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburg, Pa.: University of Pittsburg Press, 2015. 286 p. [in English].

Lenoe 2004 – Lenoe Matthew Edward. Closer to the masses. Stalinist culture, social revolution, and soviet newspapers. Harvard University Press. Cambridge (Mass.); London, 2004. 315 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=657476> [in English].

Papazian 2009 – Papazian, Elizabeth Astrid. Manufacturing truth: the documentary moment in early soviet culture. DeKalb, Illinois; Northern Illinois University Press, cop. 2009, 282 p. Available at: <http://books.exfiles.ru/#t=Manufacturing+truth+%3A+the+documentary+moment+in+early+Soviet+culture+Elizabeth+Astrid+Papazian.+Elizabeth+Astrid+Papazian> [in English].

Priestland 2007 – Priestland David. Stalinism and the politics of mobilization: ideas, power and terror in interwar Russia. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. 487 p. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=314538&p=1> [in English].

Tolczyk 1999 – Tolczyk Dariusz. See no evil: Lit. cover-ups and discoveries of the Soviet camp experience. New Haven; London: Yale University Press, cop. 1999, 361 p. [in English].

Basinsky 2011 – Basinsky P. Strasti po Maksimu. Gor'kii: devyat' dnei posle smerti [Maxim passion. Gorky: nine days after death]. M.: AST, Astrel', 2011, 411 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=196994&p=1> [in Russian].

Bykov 2018 – Bykov Dmitrii: Biografiya kak avtobiografiya [Bykov Dmitry: Biography as an autobiography]. In: God literature [Year of Literature], 2018. Available at: <http://godliterary.ru/events/dmitriy-bykov-biografiya-kak-avtobiog> (accessed 27.03.2019) [in Russian].

Gorky – Gorky M. V.I. Lenin (Pervaya redaktsiya) [V.I. Lenin (First edition)]. Available at: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-i-lenin-pervaya-redakciya.htm> (accessed 27.03.2019) [in Russian].

Gorky 1955 – Gor'kii M. – Grossmanu V.S. 7 oktyabrya 1932 g. [Gorky M. to Grossman V.S. October 7, 1932]. In: Gorky M. Sobr. Soch: v 30 t. T. 30 [Collected works: in 30 vols. Vol. 30]. M., 1955, pp. 261–262. Available at: <http://politazbuka.info/biblioteka/hudlit/880-gorkij-maksim-sobranie-sochinenij-v-30-tomah.html> [in Russian].

Gorky 1962 – Gorky M. Po Soyuzu Sovetov [On the Union of Soviets]. In: Gorky M. Sobr. soch.: v 18 t. T. 11 [Collected works: in 18 vols. Vol. 11]. M., 1962. Available at: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/po-soyuzu-sovetov/po-soyuzu-sovetov.htm> [in Russian].

Gorky 2006 – Gorky M. Pis'ma. T. 12. Yanvar' 1916-mai 1919 [Letters. Vol. 12. January 1916 – May 1919]. In: Gorky M. Pis'ma: v 24 t. [Letters: in 24 vols.]. M.: Nauka, 2006. Available at: <https://imwerden.de/publ-6685.html> [in Russian].

Gruzdev 1928 – Gruzdev I.A. Maksim Gor'kii (Zhizn' i rabota) [Maxim Gorky (Life and work)]. M.; L.: Gos. izd-vo, 1928, 40 p. [in Russian].

- David-Fox 2015 — *David-Fox M. Vitriiny velikogo eksperimenta: Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody. Per. s angl.* [Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and western visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Translation from English]. M.: Novoe liter. obozrenie, 2015, 568 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=570410&p=1> [in Russian].
- Erokhina 2018 — *Erokhina T.I. Maksim Gor'kii: kul'turny geroi i pamyat' kul'tury* [Maxim Gorky: a Cultural Hero and Memory of Culture]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski philological bulletin], 2018, no. 4 (15), pp. 217–222. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10216 [in Russian].
- Efimov 2000 — *Efimov B. Desyat' desyatiletii. O tom, chto videl, perezhil, zapomnil* [Ten decades. About what I saw, lived through, memorized]. M.: Vagrius, 2000. 637 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=182928&p=1> [in Russian].
- Zozulya 1933 — *Zozulya E. Letayushchii «Maksim Gor'kii»* [Flying «Maxim Gorky»]. *Ogoniok*, 1933, no 4, pp. 9–10 [in Russian].
- Zuev-Insarov 1927 — *Zuev-Insarov D. Pocherk i chelovek* [Handwriting and Man]. *Ogoniok*, 1927, no. 31, p. 11 [in Russian].
- Clark 2002 — *Clark K. Sovetskii roman: Istoriya kak ritual* [The Soviet Novel: History as Ritual. Translated from English]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2002, 262 p.
- Koznova I.E. *Maksim Gor'kii: portret na fone sovetskoi epokhi (po materialam zhurnala «Ogonek»)* [Maxim Gorky: a Portrait on the Background of the Soviet Era (based on the materials of the magazine «Ogoniok»)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2018, no 4, pp. 276–280. DOI 10.24411/1813-145X-2018-10121 [in Russian].
- Koltsov 1938 — *Koltsov M. Burevestnik. Zhizn' i smert' Maksima Gor'kogo* [The Stormy Petrel. Life and death of Maxim Gorky]. M.: OGIz, 1938, 96 p. [in Russian].
- Koltsov 1934 — *Koltsov M. Kak my eto delaem* [How we do it]. *Ogoniok*, 1934, no. 16, pp. 1–4, 5–7 [in Russian].
- Koltsov 1923 — *Koltsov M. Chelovek iz budushchego* [Man from the Future]. *Ogoniok*, 1923, no. 24, pp. 1–2. Available at: http://xn—ctbkmlc1ebd6c8fsb.xn—p1ai/leniniana/proza.php?name=Chelovek_iz_budushchego [in Russian].
- Maksim Gor'kii... 2018 — *Maksim Gor'kii: pro et contra: antologiya. Sovremenniy diskurs. Sost.: O.V. Bogdanova i dr.* [Maxim Gorky: pro et contra: anthology. Contemporary Discourse. Compiler: O.V. Bogdanova et al.]. SPb.: RKhGA, 2018, 880 p. [in Russian].
- Osmukhina 2017 — *Osmukhina O.Yu. Maska kak sredstvo avtoreprezentatsii v novellistike M.E. Kol'tsova serediny 1920-kh — nachala 1930-kh gg.* [Mask as a means of autorepresentation in M.E. Koltsov's novelistics in the period the middle of the 1920th — the beginning of the 1930th]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences], Vol. 19, no. 1, 2017, pp. 102–104. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2017/2017_1_102_105.pdf.
- Perepiska 1965a — *Perepiska. Gor'kii — Zozulya* [Correspondence. Gorky — Zozulya]. In: *Arkhiv A.M. Gor'kogo. T. X. Kn. 2. M. Gor'kii i sovetskaya pechat'* Archive of A.M. Gorky. Vol. X. Book 2. M. Gorky and the Soviet press]. M.: Nauka, 1965, pp. 106–115. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf [in Russian].
- Perepiska 1965b — *Perepiska. Gor'kii — Kol'tsov* [Correspondence. Gorky — Koltsov]. In: *Arkhiv A.M. Gor'kogo. T. X. Kn. 2. M. Gor'kii i sovetskaya pechat'* Archive of A.M. Gorky. Vol. X. Book 2. M. Gorky and the Soviet press]. M.: Nauka, 1965, pp. 224–252. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Arhiv_Gorkogo_10.2_Gorkij_i_sovetskaya_pechat_1965.pdf [in Russian].
- Primochkina 1998 — *Primochkina N.N. Pisatel' i vlast'. M. Gor'kii v literaturnom dvizhenii 20-kh godov. 2-e izd., dop.* [Writer and power. M. Gorky in the literary movement of the 20-ies. 2nd edition, enlarged]. M.: ROSSPEN, 1998, 302 p. Available at: <http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Primochkina-Gorky-1998.pdf> [in Russian].
- Problemy rossiiskogo samosoznaniya... 2018 — *Problemy rossiiskogo samosoznaniya: Maksim Gor'kii i russkaya provintsiya. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya: po materialam Rossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Yaroslavl', 5–7 iyunya 2018 g.) i XV Vserossiiskoi konferentsii Instituta filosofii RAN s regionami Rossii (Moskva, 31 maya 2018 g.)* [Problems of Russian identity: Maxim Gorky and the Russian province. By the 150th anniversary of his birth: based on the materials of the Russian scientific conference with international participation (Yaroslavl, June 5–7, 2018) and XV All-Russian Conference of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences with the regions of Russia (Moscow, May 31, 2018)]. Yaroslavl; M.: RIO YaGPU, 2018, 403 p. Available at: <https://reid.hse.ru/data/2018/09/28/1156808264%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D0%A7%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%B0%D1%88%D0%B5.pdf> [in Russian].
- Skobar' 1926 — *Skobar'. U Maksima Gor'kogo. Vpechatleniya krasnoflottsya* [At Maxim Gorky. Impressions of the Red Navy man]. *Ogoniok*, 1926, no 12, p. 10 [in Russian].
- Spiridonova 2013 — *Spiridonova L. Nastoyashchii Gor'kii: mify i real'nost'* [Real Gorky: Myths and Reality]. M.: IMLI RAN, 2013, 440 p. [in Russian].
- Taina smerti Gor'kogo... 2017 — *Taina smerti Gor'kogo: dokumenty, fakty, versii. L.A. Spiridonova (otv. red.) i dr.* [The mystery of Gorky's death: documents, facts, versions. L.A. Spiridonova (Ed.) et al.]. M.: AST, 2017, 462 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=588508&p=1> [in Russian].